

ДЖОН ТАЛЛОК

ГЕНРИ МОР — ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОСОФИЯ И МИСТИЦИЗМ
(ГЛАВА ИЗ КН. «РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В АНГЛИИ XVII ВЕКА»)*

В той же степени, в какой Кембриджское движение достигло своего высшего, по крайней мере, своего тщательно разработанного интеллектуального воплощения в лице Кедворта, оно оказалось плодотворным и впоследствии в лице Генри Мора, если иметь в виду замечательный пример личностного и религиозного становления. Кедворт гораздо менее интересен, чем его сочинения, а Мор гораздо интереснее любого из своих произведений. Он был плодовитым писателем, его труды занимают несколько объемных томов. Они написаны как в стихах, так и в прозе, их много читали и ими восхищались в свое время, но сейчас они почти забыты. Некоторые из них и в настоящее время едва ли можно осилить. И все же сам Мор является наиболее

* *Джон Таллок* (1823–1858) — шотландский теолог, историк философии и теологии, ректор и профессор богословия университета Сент-Эндрюс в Шотландии с 1854 года. Читал лекции по сравнительной религии и рассматривал доктрины исторически, как продукт развития. С 1859 года один из капелланов королевы Виктории, а с 1882 года — декан королевской часовни. Его фундаментальный труд «Рациональная теология и христианская философия» (1872) до нач. XX века был единственным серьезным аналитическим исследованием Кембриджского платонизма.

Перевод с англ. языка *Н. В. Голик* и *А. В. Цыба* (ORCID Id: 0000-0001-7492-356X), латинские цитаты и редакция *О. Ю. Бахваловой* (ORCID Id: 0000-0003-1110-4895). Перевод выполнен по изданию: *Tulloch J. Rational Theology and Christian Philosophy in England in the Seventeenth Century, Vol. II «The Cambridge Platonists»*. Edinburgh and London: William Blackwood and Sons, 1874).

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00845 / The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00845.

типическим и живым, пожалуй, самым интересным представителем школы Кембриджского неоплатонизма. Он самый платонический во всем платоническом направлении и в то же время самый гениальный, естественный и совершенный. Мы ближе к нему, чем к кому-либо из платоников Кембриджа, и можем более глубоко проникнуть в его настроение, характер и манеры, в возвышенную и ясную красоту его личности, которая представляет собой один из самых изысканных и очаровательных портретов во всей истории религии и философии.

Мор родился в 1614 году, тремя годами ранее Кедворта, в Грантеме, в Линкольншире; и у нас, к счастью, есть возможность проследить как его внешнюю, так и личную историю более подробно, чем это возможно для его великого коллеги¹. Его отцом был Александр Мор, эсквайр, джентльмен с хорошим состоянием и счастливой судьбой, которого очень любил и уважал сын, посвятивший ему сборник своих «Философских поэм» в 1647 году. В своем посвящении он говорит о «человеческой искренности и правдивости» своего отца и о «возвышенности его духа». Он полагает, что его поэтический вкус сформировался благодаря совместному чтению с отцом в зимние ночи «поэзии Спенсера», особенно — «этого несравненного произведения “Королева фей”, поэмы, столь же исполненной божественной морали, как и мечты»². Мы узнаем из того же источника, что при всем своем чувстве сыновнего долга, он вдруг порывает с влиянием отчего дома и самостоятельно выбирает свою карьеру и область интересов. Очевидно, его отец хотел, чтобы он предпочел какую-нибудь деятельную профессию, которая обеспечила

¹ В дополнение к «Жизни Г. Мора» Ричарда Ворда, Лондон, 1710 (См: *The Life of the Learned and Pious Dr. Henry More, Late Fellow of Christ's College in Cambridge to which are annexed Divers of his Useful and Excellent Letters. By Richard Ward... London: Printed and Sold by Joseph Downing... 1710*; Далее: *Ward's Life*), Мор сам предоставил много интересных деталей своей жизни в «*Prefatio Generalissima*», предвещающей его «*Opera Omnia*», опубликованные в 1679 году, а также «Общее описание» характера и состава его работ, в «*Апологии*», опубликованной в 1664 году. «Жизнь [Г. Мора]» Ворда интересна, но расплывчата, не критична и устаревает с течением времени. Вторая часть, которая включала в себя обзор работ Мора и рассматривала его как автора, так и не была опубликована. Рукопись, однако, еще в 1847 году находилась в распоряжении Джона Кроссли, эсквайра из Манчестера, редактора дневника Дж. Ворфингтона для Chetham Society (Историческое Общество Чэтема).

² *Spenser E. The Faerie Queene. London: Printed for William Ponsonbie, 1596.* <http://darkwing.uoregon.edu/%7Erbear/fqintro.html> — *Прим. перев.*

бы ему путь к богатству и влиянию. Но, говорит сын, «ваши ранние похвальные отзывы о моем учении и философии так воспламенили в моей доверчивой юности желание познания, что ваши последующие напоминания о том, насколько презренной окажется ученость без богатства, и каким проявлением невоспитанности и неучтивости будет считаться то, что вы выглядите мудрее тех, кто более богат и могуществен, не могли удержать мой разум от его первоначального стремления или заставить меня обратить свое внимание на дела мира сего»³.

Большее значение имело изменение его религиозных взглядов. «И мой отец, и дядя, и моя мать, — говорит он, — все были ревностными последователями Кальвина»⁴. До четырнадцатилетнего возраста он воспитывался в строгом кальвинизме; его воспитатель, как и его родители, придерживался тех же убеждений. «Великие кальвинисты, — называет их Мор, — но при этом очень набожные и добропорядочные»⁵. В этом возрасте его отправили в «школу Итона не для изучения каких-либо новых заповедей или религиозных дисциплин, а для совершенствования греческого и латинского языков». Вместе с тем его религиозные убеждения уже были прочными. «Даже в моем раннем детстве внутреннее ощущение божественного присутствия было настолько сильным в моем сознании, что тогда я действительно верил, что от Него не может быть скрыто ни одно дело, слово или мысль; и никто из тех, кто был старше меня, не мог убедить меня в обратном»... В этом случае было необъяснимо, почему «кальвинизм не увлек его». А ведь он далеко ушел от него, поскольку «никогда не мог принять на веру это суровое учение о судьбе». И не успел он поступить в Итон, как это противоречие с семейной традицией обнаружило себя, вызвав конфликт с дядей и братом⁶. «Однако его религиозное взросление уже нельзя было сдержать никаким образом. Тайна предопределения овладела его разумом и настолько захватила его, что воспоминание о его персональном — это свое восстание против кальвинова ада — он зафиксировал впоследствии письменно...»⁷.

³ Послание к отцу, предвещающее «Философские поэмы» Мора, 1647, том II.

⁴ «Prefatio Generalissima» к «Opera Omnia» Г. Мора, VI. (Далее: Pref. Gen... — *Прим. перев.*).

⁵ Ibid. V.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. V. VI.

«А что касается существования Бога, — добавляет он, — то, прогуливаясь в окрестностях школы, как я это делал, медленно, склонив голову набок и время от времени пиная камни ногами, я имел обыкновение иногда с каким-то музыкальным и меланхоличным бормотанием повторять или, скорее, напевать про себя эти стихи Клавдиана⁸:

“Часто я размышлял и часто надвое думал:
Точно ли над землей державствуют боги? Иль в мире
Правящих нет, и случай царит над течением жизни?”⁹.

Тем не менее это необычайное величие и полное понимание Бога, которое сама природа глубоко вложила в меня, очень легко заставило замолчать все столь незначительные и поэтические сомнения, как эти¹⁰.

Какими бы личными ни были эти детали, в них нет ничего эгоистичного. Они рассказываются естественно и просто, в соответствии с духом того времени. Но некоторые умонастроения по большей части остаются невысказанными. Наслоения последующих лет и многих переживаний редко позволяют приподнять завесу над ранними тайнами души. С самого начала все в некотором роде благоприятствовало тому, что его разум, по его собственному выражению, «был просветлен чувством благороднейших теорий на заре своих дней». Но Мор, как мальчик, так и мужчина, был необычайно прозрачен в своей глубочайшей природе. В его общении с людьми и экстаисах нет ни малейшего намека на болезненный эгоизм. Они являются естественным показателем его чрезвычайно одаренного духа.

Его успехи в учебе в детстве, по-видимому, были замечательными, хотя здесь у нас мало фактов, связанных с этим. «Его учитель иногда восхищался результатами его занятий». Его «тревожный и вдумчивый гений»¹¹ проявился

⁸ Пер. М. Л. Гаспарова по: Cl. Claudiani Carmina, rec. Th. Birt, B., 1892. Клавдий Клавдиан (Claudius Claudianus, ок. 370 — ок. 404) — римский поэт. — *Прим. перев.*

⁹ Перевод на англ. язык его биографа: «Oft had my anxious mind divided stood; / Whether the Gods did mind this lower world; / Or whether no such ruler (wise and good) / We had; and all things here by chance were hurled». Текст Клавдиана: «Saepe mihi dubiam traxit sententia mentem / Curarent Superi terras; an nullus inesset / Rector, et incerto fluerent Mortalia casu». (Claud. Ruf. I, 1–3).

¹⁰ Pref. Gen., VI.

¹¹ Divine Dialogues, III. 27.

как в выполнении упражнений, так и в его размышлениях; и разносторонние знания, и блестящая эрудиция могли быть только результатом прилежного обучения в Итоне, а затем в университете.

После Итона Мор был принят в Колледж Христа, Кембридж (1631). Об этом времени он будет говорить, что здесь он был одержим «могучей и почти неумеренной жаждой знаний — особенно того, что касалось наук о природе (*Natural*) и, прежде всего, того, что, как говорили, погружало в глубочайшие причины вещей», здесь он ушел с головой в изучение философии... Результатом его четырехлетних занятий стало то, что он впал в своего рода скептицизм — не по поводу, как он осторожно говорит нам, существования Бога или нравственных норм — ибо у него никогда не было ни малейшего сомнения относительно их происхождения и целей. Он был озадачен, как и многие молодые мечтатели, относительно смысла существования, его сущности и проявлений. Он выразил свои чувства в греческой эпиграмме под названием «Ἄτορῖα», которую впоследствии сам перевел на английский:

«Не знаю я
 Ни откуда, ни кто я такой, бедолага!
 И еще — о, безумие! — куда я должен идти.

 Ложь, ночью сны, пустые развлечения, страх, роковая страсть,
 Вот моя жизнь: и ничего другого я не вижу».

Это несчастное состояние потери душевного равновесия продолжалось до тех пор, пока он не получил степень бакалавра в 1635 году. После этого он снова погрузился в размышления о том, «действительно ли познание вещей является высшим счастьем человека или [есть] *нечто большее или более божественное*. И если это так, должно ли оно быть достигнуто рвением и вниманием в чтении авторов и размышлением о вещах — или очищением ума от всех видов пороков вообще». Новое направление мыслей было воодушевлено, если не сказать — возбуждено, изучением «платонических писателей — Марсилио Фичино¹², самого Плотина, Меркурия

¹² Марсилио Фичино (Marsilius Ficinus) был представителем известной школы флорентийских платоников, которые создали блестящее окружение дома Медичи в XV веке. Вместе с другими неоплатоническими писателями он перевел Платона и Плотина и, как и Мор, стремился объединить их теологию с христианством.

Трисмегиста¹³ и мистических богословов, у которых часто упоминалось об очищении души и об очистительном пути, ведущем к озарению (illuminative course)». Он был в высшей степени очарован этими писателями, и это очарование никогда не покидало его. Они открыли мир мысли, близкий по духу его богатому медитативному уму, в то время как их трансцендентальный пие-тизм в точности соответствовал чаяниям его мистического и восторженного духа. Но «среди всех сочинений такого рода не было ни одного, которое так пронзило и затронуло» его, «как та золотая книжка, с которой, как говорят, чудесным образом имел дело Лютер, а именно “Германская теология”»¹⁴. Он отметил в этом чудесном руководстве некоторые недостатки: «глубокую меланхолию, а также немалые ошибки в вопросах философии», но великий урок самоотречения пробудил и оживил все его существо «как бы ото сна». Отныне он был «очень твердо убежден не только в существовании Бога, но и в Его абсолютной доброте и силе, а также в Его самой реальной воле, направленной на то, чтобы мы были совершенными, как совершенен наш Небесный Отец». И поэтому в нем пробудился жестокий разлад между пониманием «божественного начала и животной природы»... — «Что касается других представлений, — добавляет он, — будь то мораль или религия, возни-кающие из простой любви к себе, пусть они могут быть такими благовид-ными или добрыми, как вам заблагорассудится, в лучшем случае они явля-ются лишь подготовкой или более утонченными упражнениями в своего рода *теологическом гоббсиантстве*».

В результате все остальные занятия Мора утратили свою ценность по сравнению с курсом духовных дисциплин, к изучению которого он присту-пил. И он прилагал искренние усилия к тому, чтобы во всем подчинить свою собственную волю божественной воле и взлелеять в себе зерно божествен-ной жизни. Он чувствовал, что «только зерно божественного является тем,

¹³ Трисмегист был эпитетом египетского Гермеса. Его именем подписаны многочисленные философские и астрологические труды и в эпоху раннего христианства, что подраз-умевают написание под божественным вдохновением. Они в основном были написаны в Александрии гностическими христианами или философами неоплатонической школы, вероятно, в IV веке или в христианскую эру.

¹⁴ Анонимный теологический труд, открытый и опубликованный в 1516 году Мартином Лютером, который сказал о нем, что для него лично он означал начало его переосмыс-ления основ христианства (См., напр.: Theologia Germanica. Golden Treasure Series, 1893 <http://www.ntslibrary.com/PDF%20Books/Theologia%20Germanica.pdf>). — *Прим. перев.*

что угодно Богу, — и единственной непобедимой основой всей истинной религии». Его прежнее «ненасытное желание и жажда познания вещей» почти полностью угасло.

Он «ни о чем так не заботился, как о более полном единении с божественным и небесным принципом, внутренне текущим источником вечной жизни — с самыми горячими молитвами, часто обращенными к Богу, чтобы Ему было угодно полностью освободить его от темных цепей и порочного плена собственной воли». И, как ни странно, как только он вступил на этот путь, и его неумеренное желание простого знания было утолено, он начал более ясно понимать те самые вещи, которые хотел знать.

«Я связан с небесами, я луч бессмертный
Бога, о радость, я восхожу к нему обратно!
И сладкая любовь несет меня на крыльях.
Я жив, в чем я уверен; и радость эту жизнь познать.
Ночь и тщетные мечты уходят: Отец света,
Живем мы так, как Ты, облеченные в вечный день.
Вера, мудрость, любовь, неизменная радость, свободная крылатая мощь —
Вот истинная жизнь: Все остальное — смерть и разложение»¹⁵.

Период скептицизма Мора, похоже, длился три или четыре года после окончания колледжа. Все, что мы отчетливо знаем, — это духовный характер покоя, которого он достиг, и что его полное обретение было отмечено его первой философской поэмой. «Я был полностью убежден, — говорит он¹⁶, и эта убежденность лежит в основе всего его возвышенного мышления, — что истинное благочестие является единственным безопасным входом в божественное знание». И, не удовлетворившись выражением своих мыслей в эпиграмме, которую мы уже приводили, он впоследствии, примерно в начале 1640 года, изложил свои основные размышления и переживания в довольно объемной поэме под названием «Психозойя, или жизнь души». Сначала у него не было намерения публиковать это стихотворение; но в конце концов он уступил, как это делали многие до и после, «уговорам некоторых ученых

¹⁵ Обе эпиграммы изначально были написаны по-гречески, их можно найти в «Философских поэмах», первую под заголовком «Апория», вторую — «Эупория». — *Прим. перев.*

¹⁶ Предисловие к «Mystery of Godliness» Г. Мора.

и благочестивых друзей», которые случайно узнали об этом, и, соответственно, оно было опубликовано впервые в 1642 году вместе с другим довольно большим поэтическим сочинением, озаглавленным «Психатаназия» («Бессмертие души»), или вторая часть «Песни Души», трактующая идею бессмертия души, особенно — человеческой души. Наконец, еще четыре близкие по духу¹⁷ поэмы вместе с несколькими малыми сочинениями были добавлены, и полное собрание «Философских поэм» появилось в 1647 году, когда ему было тридцать три года.

Стихи Мора сейчас почти неизвестны: они выпали из того ряда, которому принадлежит поэзия Донна и Дэвиса¹⁸, и не встречаются ни в одном сборнике эпохи. В некоторых отношениях они представляют собой самую необычную попытку в литературе превратить метафизику в поэзию. За исключением «заметок» и «общей интерпретации», которые он сам, к счастью, предоставил, они едва доступны пониманию. Даже с таким сопровождением они представляют собой весьма замысловатое и трудное для восприятия исследование. Этому способствуют не только напряжение мысли и многосложность неоплатонических аллюзий, но и затейливость и импровизации самого стиха. Тем не менее в некоторых местах там можно встретить несколько подлинных отблесков как поэтического, так и духовного озарения; и мысленная (mental) картина, которую создают эти поэмы, в целом настолько любопытна, что вознаграждает терпение конгениального ученика. Они не покажутся привлекательными никому, кроме последователя, в какой-то степени воодушевленного «платоническим неистовством»¹⁹, из которого они «мощно извергаются». Взгляд должен быть глубокомысленным, а также «ясным» — таким,

¹⁷ Названия этих четырех стихотворений, которые более или менее тесно связаны с его основной «Песней души», могут заинтересовать читателя. 1. «Democritus Platonissans («Платонизирующий Демокрит»), или эссе о бесконечности миров, интерпретируемое исходя из платонических принципов. Прилагается ко второй части «Песни души». 2. «Антипсихопанния («Antipsychopannychia»), или Третья книга Песни души, содержащая опровержение учения о сне души после смерти». 3. «Предсуществование души — приложение к третьей части Песни души». 4. «Антимонопсихия («Antimonopsychia»), или четвертая часть песни души, содержащая опровержение учения о единстве душ».

¹⁸ Английские поэты Джон Донн (John Donne, 1572–1631) и Джон Дэвис (John Davies, 1569–1626). — *Прим. перев.*

¹⁹ Намек на рассуждение о видах «неистовства» в диалоге Платона «Федр» (Plato, Phaedrus 244–249). — *Прим. перев.*

что постигал бы их «глубоко проникающие (deep searching thoughts) и часто обновляемые идеи». Читателю предстоит быть согретым, как и самому автору:

«Не текучестью Тейи,
Не игривым светом дубов Лесбоса»²⁰.

Его задача гораздо благороднее, чем для обычного поэта:

«Не женскую любовь, не храбрых рыцарей деянья,
Обернутые в свитки скрытой старины;
Но внутренний исток и семена незримого,
Откуда то возшло, чего коснется взор,
Иль запись в памяти,
Психею я спою! Психея! От тебя они произошли.
И жизнь во Времени и все Иное!
Вливает жизнью жизнь она нектаром крепким,
Моя душа пьяна, пока пою я песнь Психеи.

Моя забота не искать

Ту истину простую. Я только занят тем,
чтобы открытье совершить,
И обозреть хотя бы бегло ученье тайное Платона.

.....

Как человек живой своим умом обычным
(Когда отверженный искусно возбуждает иск своих желаний,
Их следует изобразить изрядно
и умно преподавать
Расположенье каждого предмета,
И в правильных цветах все обозреть
Орлиным ясным взором)
Умеет укротить свою бушующую суть,
Когда он не простак и не глупец?
Но почему же человек? Я не хотел его бесчестить сущность.
И если же со школою Платона
(который в свой черед со [школой] Пифагоровой согласен,

²⁰ «No Teian strain, / No light wanton Lesbian vein». Возможно, речь идет о гесиодовом божестве, которое выступает в «Теогонии» под именем Тейя, олицетворяя «текучесть пространства» (др.-греч. Θεΐα — богиня). Во второй строфе — отсылка к поэтической традиции острова Лесбос, связанной с поэтессой Сафо. — *Прим. перев.*

С Египетским [Гермесом] Трисмегистом и древней мудростью Халдейской,
[Пути] которых время разрывало,
А Платон и Плотин восстановили)
Мой взгляд согласен,
Я громко возвещу:
Что если кто меня сочтет лишь странным болтуном,
И заклеят клеймом позора,
Пусть Бог его очистит от вины в преступной злобе».

Философские доктрины поэм будут достаточно ясны по мере того, как мы продолжим. Ибо, как и вся его школа, Мор снова и снова использует свои фундаментальные идеи; и «платонические принципы», которые он обратил в песню в свои ранние годы, оставались теми же самыми, которые он использовал впоследствии в различных формах прозы. Мы можем, однако, привести еще несколько выдержек, которые в содержательных фрагментах передают суть его мысли в концентрированном виде, в то время как другие, по счастливой случайности, обретают истинную поэтическую форму — золотые нити простой мысли или чувства, «прочерчивающие унылые леса» — суровые последствия — его стиха²¹.

«Итак, души природу мы можем ясно видеть:
Она луч Солнца-Интеллекта.
Воистину, луч этой Вечности;
Но луч такой, когда впервые засиял,
Свободным светом началось его сияние»²².

²¹ Сам он не очень высоко ценил свое дарование после того, как закончился его поэтический период.

«Горою пепла от бессмысленного хлама
Мне кажутся теперь мои стихи,
Когда Огонь небесный, тот священный жизни Дух угасли
В моей охлаждающей груди.
Теперь я опрометчиво вино
Мои кривые вирши: то слово устарело;
Другое слишком дерзко; а третье
Слишком режет мой прихотливый слух».

²² The Life of the Soul, cant. II. 22.

«Но если, говорят, дух может и не быть
Причиной истинной, конечно, мы должны считать его умом.
Да, есть он ум, таков есть мой ответ.
Над этим разумом есть высший Интеллект
И Ум небес и Целесообразность
(О, ответвления прекрасные от первобожества!).
Они пробуждают в нас чрез внутренней аффект
сокрытые пути Господни, когда открывает взор
Для наших темных душ, и свет его
Сохранился в нашем сердце»²³.

«И если свет божественный мы
Светом же божественным познаем
и никаким другим,
То свяжет эти ветви силой, которой обладает дух»²⁴.

«Ты, Муза, высший совершай полет,
Воспой платоновскую Веру в Благо —
Ту веру, что соединяет наши души с Богом
Столь сильно, тесно, что ни течение
Вещей стремительного бега, ни грязевой поток
Не может нас смутить, ни оттолкнуть нас от единства,
В котором мы неколебимы, недвижимы и тверды,
Пронизанные мощной жизненной силой (vitality).
Опорой и основой всех вещей у Бога»²⁵.
«Когда ж я покидаю сам себя
И все земные вещи, тогда великая любовь
В моей душе ко всей Вселенной
Меня равняет со Всевидящим Юпитером.
Мои невиданные крылья меня возносят высоко, наполненные светом,
И я несусь сквозь звезды и отдаю им свет»²⁶.

²³ Ibid. II. 99.

²⁴ Ibid. II. 105.

²⁵ The Immortality of the Soul, Book III, cant. IV.

²⁶ Cupid's Conflict (Из поэмы Г. Мора «Democritus Platonissans», см.: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A51291.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> — Прим. перев.)

Следующее не лишено подлинного налета фантазии и поэтического мастерства:

«На этом шелке голубом небес
Я видел, двух существ чудесных,
С прекрасно-полными крылами,
Исполненными серебром, с телами цвета белее молока,
Их плечи были восхитительны,
Был чуден вид и ясный взгляд,
А вокруг их тел повязан
Шарф лазоревого цвета»²⁷.

«Когда прекрасный солнца луч поднялся
На восточный холм и начался счастливый день;
И радостью наполнен, я вернулся в дом,
Переживая то, что мне сказала Нимфа,
Проделав это столь искусно, чтобы я знал,
Как научить людей
Таинству жизни, прогнав туман,
Застлавший разум, поднявшийся от мерзкого болота.
Пусть моя воля победит, хоть и слабо мое перо»²⁸.

Примерно в этот же период своей жизни Мор убедил себя, что у него было любопытное видение, о котором он впоследствии рассказал под именем *Бафинус* (*Bathynous*) в своих «Божественных диалогах». Не может быть никаких сомнений в том, что он говорит о себе под этим именем; и в этой истории так много характерного, что она дает нам определенное представление о его ясном, доверчивом и восторженном духе... Это происходит в третьей части его «Божественных диалогов», где Бафинус обсуждает со своими собеседниками тему божественной благодати и сообщает им, что в юности ему приснился странный сон о «старике с серьезным лицом, разговаривающем с ним в лесу»; и когда его попросили рассказать свой сон, он согласился сделать это как можно «изысканнее и короче». «Тогда вы должны знать, как с самого детства я был одарен тревожностью и вдумчивостью, как

²⁷ The Life or the Soul, cant. I. 26.

²⁸ Immort. of the Soul, I. 6, 31.

я испытывал глубокое и сильное чувство божественного присутствия и какое глубокое и сильное осознание существования Бога у меня было, и как с ранних лет мне была присуща добросовестность, чтобы получить одобрение от Него; и когда я достиг зрелых лет разума и приобщился к некоторыми тонким началам философии, я перестал довольствоваться тем, чтобы думать о Боге только в целом, но начал более отчетливо и точно рассматривать Его природу, созерцать и осмысливать Его атрибуты; и как, отчасти исходя из естественных порывов моего собственного ума, отчасти из текста и авторитета Священного Писания, я с уверенностью заключил, что бесконечная сила, мудрость и доброта были главными и наиболее всеобъемлющими атрибутами божественной природы, и что главенствующими в них, если можно так сказать, являются Его великая доброта и сила божественности. В то же время, не будучи сведущим ни в какой другой естественной философии или метафизике, кроме вульгарной, мой разум долгое время был полон неразрешимых загадок и трудностей, чтобы сделать явления мира и примитивные мнения людей каким-либо приемлемым способом совместимыми или подходящими этим двум главным атрибутам Бога: Его мудрости и Его благодати. Эти размышления закрывали мне глаза по ночам; они приветствовали мою память утром; они сопровождали мои дальние и одинокие прогулки в поля и леса, которые я совершал иногда так рано, что большинство других смертных ещё лежат в постели.

Поэтому случилось так, что однажды летним утром, поднявшись намного раньше обычного и довольно долго гуляя в некоем лесу (в котором я часто бывал), я считал нужным отдохнуть на земле, израсходовав свои силы частично из-за долгой ходьбы, но главным образом из-за недостатка сна и чрезмерно тревожных и беспокойных размышлений о таких трудностях, какие Гилобарес (Hylobares, один из ораторов в диалогах) либо уже предложил, либо (как я описал с самого начала) может предложить. Я немедленно сел среди травы и цветов у подножия широко раскинувшегося цветущего дуба, где нежный свежий утренний воздух играл в тени на моих разгоряченных висках и с невыразимым удовольствием охлаждал мою кровь и дух, а трудолюбивые пчелы деловито гудели вокруг меня на росистой жимолости; к этому шуму наиболее мелодично присоединилось отдаленное пение веселых птиц, отозвавшееся эхом во всех уголках леса. Вы можете легко вообразить, что все эти прелести природы, сговорившись вместе, быстро погрузили бы мое

усталое тело в глубокий сон. Но в то же время моя душа была как никогда бодрствующей, и, как кажется, мне очень живо снилось, что я все еще иду по этим уединенным лесам, и мои мысли более жадно, чем когда-либо, сосредоточены на этих обычных трудностях провидения. И в то время, как я пребывал в этой тревоге и серьезности духа, сопровождаемой (как часто бывало, когда я бодрствовал) страстными и благочестивыми возгласами и восклицаниями в адрес Бога, внезапно на расстоянии появился очень серьезный и почтенный человек, медленно идущий ко мне. Его рост был выше обычного. Он был одет в свободную шелковую одежду пурпурного цвета, похожую на индийские костюмы, которые сейчас в моде, но с более длинными и широкими рукавами; и подпоясан Левитским поясом, тоже пурпурным; и у него были бархатные башмаки того же цвета, а на голове монтеро²⁹ из черного бархата, как если бы он был одновременно путником и жителем этого места.

Пока он был на некотором расстоянии от меня, я стоял бесстрашно и неподвижно; только из уважения к столь интригующей персоне я снял шляпу и держал ее в руке. Но когда он подошел ко мне ближе, яркий блеск его глаз, которые так пронзительно сияли из-под тени его черного монтеро, и черты его лица, хотя и сочетались с удивительной мягкостью и нежностью, так внезапно поразили меня, что я сильно задрожал и не смог бы устоять, если бы он не положил руку мне на голову и не заговорил со мной спокойно, что он и сделал по-отечески, сказав: «Благословен ты от Бога, мой сын; будь мужествен и не бойся; ибо Я посланник Божий к тебе для твоего блага. Твои серьезные намерения и стремления к истинному знанию твоего Создателя и путей Его провидения (что является наиболее подходящим занятием для каждого разумного существа) вознеслись в очи Божьи; и мне назначено передать в твои руки два ключа Провидения, чтобы ты мог таким образом открыть сокровище той мудрости, которую ты так тревожно и все же так благочестиво ищешь». И с этими словами он сунул правую руку в левый рукав и вытащил два сверкающих ярких ключа: один — серебряный, другой — золотой, перевязанных довольно широкой лентой небесного цвета, и передал их мне в руки; я принял их от него, низко кланяясь и выражая свою благодарность за такой великий дар».

²⁹ Охотничья шапка. — *Прим. перев.*

К этому времени мальчик стал намного увереннее и дружески расположен, чтобы разговаривать с почтенной персоной, которая явилась ему. После того как он получил в руки серебряный ключ, ему было поручено прочесть нанесенную на нем надпись, которая, составленная как девиз, читалась «*Claude fenestras, ut luceat domus*»³⁰. Затем он, держа нижнюю часть ключа в левой руке, потянул за ручку правой и появился серебряный футляр (tube) со свитком тонкой бумаги, «но такой же прочной, как любой пергамент, и белой, как снег». На этой бумаге было записано то, что, очевидно, предназначалось для объяснения движений планетных тел вокруг Солнца и звездного полушария — своего рода откровение Коперника или истинной системы Вселенной. Затем его внимание было специально привлечено к девизу золотого ключа, который был «сокровищем сам по себе». Это было «*Amor Dei Lux Animae*»³¹. Золотой футляр с аналогичным свитком бумаги раскрылся, когда он, как и прежде, потянул за ручку этого ключа. На этой бумаге было начертано двенадцать предложений, написанных золотыми буквами, с таким содержанием: Божественная доброта соизмерима с божественным провидением или бесконечна; Время и Пространство — «нить времени и расширение вселенной» — исходят от благожелательного Божества; Интеллектуальные Духи радовались Богу до сотворения мира; в мире свободных действующих сил грех должен быть возможностью; но счастье превосходит грех и страдание «так же, как свет превосходит сумрак». Он продолжал свое изучение этих божественных высказываний, когда его грубо прервал рев двух ослов, яркое видение «пожилого серьезного господина, серебряных и золотых ключей и великолепного пергамента» внезапно исчезло, и он обнаружил, что сидит в одиночестве у подножия дуба, где он заснул, и с каждой стороны от него — по ослу!

Мы признаемся, — вместе с одним из собеседников [«Божественных диалогов»], — что мы до некоторой степени не в состоянии понять мораль этого странного прерывания его видения, нелепая абсурдность которого поражает нас поначалу больше всего остального; если только это не предназначено, как он сам намекает, для обозначения равнодушного шума, с которым мир и даже Церковь часто получает и прерывает размышления более высокой

³⁰ Закрой окна, чтобы стало светло в доме (лат.). — Прим. перев.

³¹ Любовь Бога — Свет Души (лат.). — Прим. перев.

сосредоточенности, стремящегося прочесть свиток природы жизни и тайны бытия. Мор заявляет, что если бы видение завершилось, это было бы невыносимо для него и он был бы более удовлетворен тем, что все происходило так, как оно происходило, чем если бы он внезапно обрел Истину, продолжение поиска которой было для него постоянным и нескончаемым удовольствием.

Один из собеседников — «ревностный, но легкомысленный платоник и картезианец, или механицист» — предположил, что целью видения было не просто подтвердить коперниканскую систему мира, но и истинность принципов Декарта. Но Мор, от имени Бафинуса, отвергает эту точку зрения на том основании, что он увидел в одном из предложений или афоризмов «Золотого ключа», которые он не успел прочитать полностью, утверждение, «*Что первородные сущности (premundials) мира не являются механическими, но семенными (spermatical) или витальными (vital)*», что, добавляет он, «диаметрально и фундаментально противоположно философии Декарта». Далее он убежден, что если бы у него состоялось полное обсуждение с божественным мудрецом, он хотел бы полагать свою философию «более пифагорейской или платонической, чем картезианской. Ибо там также упоминалась изначальная душа мира, которую некоторые современные авторы называют духом природы». Афористические откровения — как о серебряном, так и о золотом ключе — вызвали большую дискуссию среди друзей, собравшихся в «философской беседке» Купофрона (Cuphophon's philosophical bower) — очаровательном приюте «легкомысленного платоника» — на прохладном вечернем летнем воздухе, «веющем сквозь листья беседки», и «скромным угощением»: «чашей вина, блюдом с фруктами и манчетами»³². Остальное наполнялось «свободными беседами по философии». Вся картина приятна, если даже диалог несколько затянут; и все — видение и описание — поразительно иллюстрирует мечтательный идеальный энтузиазм, с которым молодой платоник продолжал свои исследования и изыскания.

Стихи Мора, как мы сказали, были впервые опубликованы в 1642 году. Ранее он получил степень магистра в 1639 году и сразу же после этого был избран преподавателем своего колледжа. Это было его первое повышение

³² «Возьмите, — говорит Бэкон, — маленький тост из манчета, погруженный в масло сладкого миндаля», и т. п. (Манчет, manchette, или manchet, — пшеничный дрожжевой хлеб очень высокого качества в форме плоской или круглой буханки, достаточно маленькой, чтобы ее можно было удобно держать в руке, в том числе — в перчатке. — *Прим. перев.*).

по службе, и можно сказать, что оно было практически последним, т. к. впоследствии ему было сделано множество соответствующих предложений, но он упорно отказывался от всех, за одним исключением. Через пятнадцать лет после Реставрации, в 1675 году, он принял духовную должность епископа (а *prebend*) в Глостерском соборе³³, но почти сразу же отказался от нее в пользу доктора Эдварда Фаулера, впоследствии известного епископа Глостерского³⁴. Есть подозрение, что Мор согласился на должность только для того, чтобы передать ее Фаулеру. Он покровительствовал не только Фаулеру, но и Ворфингтону³⁵, которого назначил руководителем прихода Инголдсби в Линкольншире, унаследованного от своего отца. По-видимому, он сам некоторое время жил этим доходом³⁶; но у него не было пристрастия к какой-либо работе за пределами своего колледжа. У него отсутствовало честолюбие, и он неуклонно отказывал всем попыткам привлечь его к публичной должности. Он даже не согласился бы стать магистром своего колледжа, в качестве которого его, как известно, рассматривали в 1654 году, когда был назначен Кедворт. Другие предложения о должности ректора Тринити-колледжа в Дублине и о деканстве в приходе Святого Патрика постигла та же участь. Его сердце было устремлено к тихому уединению жизни ученого, и таковым он жил и умер. Окрестности Колледжа Христа оставались его домом, и здесь, как говорится, он создал для себя что-то вроде рая. Благородные друзья досаждали ему; даже королевской милостью его уговаривали принять какую-нибудь должность, более достойную его репутации. «Прошу вас, не будьте таким угрюмым, — говаривал один благородный человек, — будьте веселым, когда отказываетесь от всего, чего вы не знали так долго, за исключением Колледжа Христа». Но его нельзя было сдвинуть с места. Его друзья даже

³³ Кафедральный собор св. Петра и Святой Неделимой Троицы, Глостер. — *Прим. перев.*

³⁴ Fowler Edward, 1632–1714, автор одной из т. н. апологий латитудинаризма «The principles and practices of certain moderate divines of the Church of England... London: Printed for Lodowick Lloyd..., 1670. <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A56609.0001.001?rgn=main;view=fulltext> — *Прим. перев.*

³⁵ Джон Ворфингтон (John Worthington, 1618–1671) — платоник Кембриджа, см. о нем материалы электронного ресурса «Электронная библиотека “Философская литература английского гуманизма и платонизма XIII–XVII веков”», <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/cambridge/item/498-worthington> — *Прим. перев.*

³⁶ Ворд говорит: «Эту жизнь он вел, я полагаю, в течение очень короткого времени; я нашел его имя только однажды в публичном регистре за год 1642, но не могу точно подтвердить его руку». — *Прим. перев.*

доставили его в один прекрасный день в Уайтхолл, чтобы почтить поцелуем руку короля, но, когда он понял, что условием его поступка было принятие епископства, «его уже нельзя было принудить к этому». Мы часто слышали о *Nolo Episcopari*³⁷, но редко это проявляется таким простым и честным способом убежать от нежелательного предложения, как этот.

Вскоре после того, как он стал членом Колледжа Христа, он, похоже, выступил в качестве наставника для нескольких лиц «высокого ранга». «Его глубокая задумчивость не отвлекла его от всей той должной заботы, которая была в любом случае необходима для оправдания столь большого доверия». Его биограф говорит об авторитете его знаний и записей, которыми обменивался Мор с некоторыми из своих учеников, один из которых, в частности, сказал ему, «какие прекрасные лекции он предполагает услышать о *Благочестии* (Piety) и *Образовании* (Instruction) из главы, которую читали по ночам в его комнате». Другие «подтверждают» тот же отзыв; и мы легко можем понять сердечные узы симпатии, которые объединяли такого наставника и молодых людей с утонченным и вдумчивым складом ума. Но среди всех его учеников самой интересной была юная леди из благородной семьи — «главная ученица», как говорит его биограф, «необыкновенная натура». Эта леди, по видимому, была сестрой Хенейджа, лорда Финча, впоследствии графа Ноттингема, канцлера и лорда-хранителя при Карле II, известного государственного деятеля с большими юридическими способностями и красноречием³⁸, который с некоторой суровостью и солидностью своего возраста отличался стойким характером и был воодушевлен подлинными и возвышенными религиозными устремлениями³⁹. Так, будучи отмеченной уже по рождению, любимая

³⁷ «Не желаю быть епископом» — официальная формула отказа от сана (лат.). — *Прим. перев.*

³⁸ На это прямо указывает Chalmers's Biog. Dict.; но Р. Ворд, биограф Мора, говорит о сэре Джоне Финче, посланнике при Османском дворе, и о раннем ученике Мора, о котором мы ничего не можем узнать. (Чалмерс Александр (Chalmers, 1759–1834) — англ. писатель, составитель «General biographical Dictionary» (32 т., 1812–1817), одного из первых обширных биографических сборников, послужившего источником для большинства позднейших трудов этого рода. Под его редакцией и с его биографическими очерками и предисловием было издано несколько собраний сочинений английских классиков. — *Прим. перев.*)

³⁹ В подтверждение этого достаточно упомянуть, что «Интеллектуальная система» Кедворта была посвящена лорду Финчу в знак признания «его сердечной привязанности к религии и рвения к ней». Кедворт также высоко отзываясь о его красноречии;

ученица Мора вышла замуж за лорда Конвея и поселилась в Рэгли, в Уорикшире, где «время от времени он проводил значительную часть своего времени». Мор питал к ней величайшее уважение, и это чувство было взаимным, несмотря на разногласия, возникавшие между ними. Он имел обыкновение говорить, «что он едва ли когда-либо встречал человека, мужчину или женщину, с такими превосходными природными качествами, как леди Конвей»; и она, в свою очередь, представляла «исключительную ценность» для его геня. Ее муж был полон не меньшего энтузиазма и, как говорят, ценил все, что имело отношение к Мору, «с таким же почтением, как если бы это был Со-крат». Можно добавить, что «Энн Конвей, которая всегда отличалась очень четким стилем, иногда спорила или задавала ему самые глубокие и благородные вопросы, какие только можно себе представить».

Леди Конвей была хрупкого телосложения и, по-видимому, сильно страдала от «болеи и расстройств головы». Ее телесная слабость, как и во многих подобных случаях, развила ее духовное рвение (spiritual enthusiasm), и она постепенно перешла из учеников Мора в ряды квакеров. Для него это было большим ударом и разочарованием, и он много спорил не только с ней, но и с ее друзьями-квакерами. Он написал письмо Пенну⁴⁰ о Крещении и Тайной вечери и даже попытался вступить в дискуссию с «их великим лидером Джорджем Фоксом»⁴¹. Но грубость Фокса или его невежество оказались для Мора непосильной ношей. Он сказал кому-то, что, «разговаривая с ним, он почувствовал, что как бы превратился в медную статую, настолько сильно дух, изворотливость или извращенность этого человека задела и оскорбили его разум»⁴². Мору не удалось переубедить свою ученицу, но он сохранил ее дружбу. Он продолжал проводить большую часть своего

в то время как Пипс говорит: «Он был человеком столь большого красноречия, о котором я когда-либо слышал или когда-либо надеялся услышать за всю мою жизнь». Главным свидетельством его суровости является высказывание, приписываемое ему, когда в ответ на предложение Эндрю Марвелла, чтобы вознаграждение, полученное Мильтоном во время его кратковременной службы протекторату, после Реставрации было возвращено парламентом. «Нет, — сказал Финч, — Мильтон был латинским секретарем Кромвеля, и вместо того, чтобы заплатить 150 фунтов, он заслужил повешение».

⁴⁰ Уильям Пенн (William Penn, 1644–1718), один из лидеров английских квакеров, отбыл в Америку в 1682 г. — *Прим. перев.*

⁴¹ Джордж Фокс (George Fox, 1624–1691), основатель Религиозного общества Друзей (квакеры). — *Прим. перев.*

⁴² Ward's Life. P. 197.

времени, как и прежде, в Рэгли «и его лесах», и там написал несколько своих книг «вдохновенных участием леди Конвей». Когда она умерла, она оставила ему наследство; а он, со своей стороны, обрисовал ее замечательный портрет в виде предисловия к тому посмертных произведений ее гения, который в свое время был задуман для публикации. Он создал этот портрет под именем другого человека и с таким большим тактом, что, как нам говорят, «самый строгий квакер увидел бы в нем все, что мог пожелать, и все же самый трезвый христианин был бы полностью удовлетворен им»⁴³.

Леди Конвей, очевидно, была замечательной личностью, и есть некоторые основания полагать, что она оказала на него большее влияние, чем это хотел бы признать его биограф⁴⁴. Ее мистицизм был тесно связан с одной из сторон его религиозной природы. Она изучала на латыни «как Платона, так и Плотина» и «тщательно исследовала самых темных авторов теософии»⁴⁵. Но со своим мистицизмом она объединила сильную и уверенную волю. Мор сам сказал, «что она была из тех, кто твердо отстаивает свое суждение». Такая личность — восторженная, но уверенная в себе, с тонкой духовной проницательностью, отягощенной страданиями, и в то же время обладающая твердой целью, естественно, была очень притягательна для такого интеллекта, каким обладал Мор, свободного и рационального, но подвижного и тревожно отзывчивого. Ее гениальность и щедрая сила мысли очаровали его и, вероятно, повлияли на него и стимулировали его больше, чем он себе представлял; и тот факт, что он написал так много своих книг в Рэгли, можно считать явным доказательством этого.

Но Рэгли был средоточием других влияний, помимо влияния близкой по духу и заботливой хозяйки. Спиритуализм находил в нем излюбленное пристанище не только в форме религиозного энтузиазма, но и в виде даров и знамений, которые многим казались не чем иным, как чудесами. В дополнение к «лучшему и главнейшему из квакеров» его общество включало двух из самых выдающихся людей того времени: барона Ван Гельмонта и «не менее знаменитого» Валентина Грейтрейкса⁴⁶, с которыми Мор познакомился

⁴³ Предисловие было написано под именем Ван Гельмонт и напечатано в *Ward's Life*.

⁴⁴ Т. е. Ричард Ворд. — *Прим. перев.*

⁴⁵ *More's Preface*.

⁴⁶ *Valentine Greatrakes (1628–1682)*, ирландский целитель, который путешествовал по Англии, утверждая, что лечит людей прикосновением рук.

в этом приятном уединении. Первого не следует путать с известным химиком с тем же именем, который, следуя за Парацельсом, сделал многое — при всей его экстравагантности — для продвижения естественных наук в первой половине семнадцатого века⁴⁷. Ван Гельмонт, который был помощником Мора и от имени которого он написал панегирик леди Конвей, упоминаемый выше, был сыном этого выдающегося химика, он унаследовал что-то от гения своего отца, но больше от его энтузиазма и экстравагантности⁴⁸. Похоже, он посвятил себя исключительно тем оккультным медицинским исследованиям, которые были второстепенной страстью его родителей, и некоторое время жил в семье леди Конвей в качестве врача. Он был очень привязан — как и его друг и покровительница — к квакерам и часто посещал их собрания. Из всего, что мы о нем узнаем, трудно составить реальное представление о его характере. Замечание Мора может привести нас к выводу, что он был либо чистым, бессознательным энтузиастом, либо самоотверженным филантропом с благими намерениями: «Он знал о себе самом так мало, действительно и по-настоящему, — говорит Мор, — как если бы был незнакомцем для самого себя».

Грейтрейкс — сравнительно известная личность: его имя является одним из самых знаменитых в той странной истории оккультных чудес, которая так далека от завершения, что даже наш век со всем его просвещением, вероятно, добавит к ней одну из самых поразительных и запоминающихся глав. Его чудесные исцеления наделали в семнадцатом веке еще больше шума, чем любые подобные явления в девятнадцатом. Они были предметом официального расследования Королевского общества и весьма увлекли таких людей, как Мор и Глэнвилл⁴⁹, которые специально обращались к нему.

⁴⁷ Жан Баптист Ван Гельмонт был дворянином из Брабанта и лордом Мероде. Он родился в Брюсселе в 1577 году и провел большую часть своего времени в своем фламандском поместье, занимаясь исследованиями в своей лаборатории. Он умер в 1644 году. — *Прим. перев.*

⁴⁸ Франц Меркурий Ван Гельмонт (Franciscus Mercurius van Helmont, 1614–1699), голландский физиолог и философ. — *Прим. перев.*

⁴⁹ Джозеф Гленвилл (Joseph Glanvill, 1636–1680) — Кембриджский платоник, ученик и последователь Г. Мора, автор еще одной апологии латитудинаризма, в которой дает много отсылок к Г. Мору как главному идеологу латитудинариев. См.: *Glanvill J. Anti-fanatical Religion, and Free Philosophy. In a Continuation of the new Atlantis. Essay VII // Essays on several important subjects in philosophy and religion by Joseph Glanvill... London: Printed by*

Грейтрейкс был уроженцем Ирландии — джентльмен неясного происхождения и состояния, хорошо образованный и, по-видимому, обладавший как общественными, так и личными добродетелями. Нет никаких оснований сомневаться в его честности. Поначалу, говорят, он был далек от желания проявлять те странные способности, которыми, как он чувствовал, был наделен. Но в конце концов мысль об этом стала очень настойчивой, и он применил свое умение к некоторым людям, живущим по соседству. Эффект был настолько поразительным, что больные начали стекаться к нему со всех сторон. Он излечивал их самым необычным образом, просто положив на них руки и поглаживая. Страдания леди Конвей побудили ее пригласить его в Англию, где его успех был не менее удивительным, *за исключением ее собственного случая*. О его занятиях заговорили в городе и деревне, и его репутация широко обсуждалась. «В кофейнях и повсюду, — пишет Глэнвиллу некий “человек истинной честности и философ”, — идет оживленная дискуссия о мистере Г., знаменитом ирландском строкере (поглаживателе). Здесь он подвергается любопытным нареканиям: некоторые принимают его за фокусника, а некоторые — за самозванца, но другие, опять же, обожествляют его как апостола. Признаюсь, я думаю, что этот человек свободен от всякого умысла, от пустопорожней болтовни, не пристрастен ни к какому пороку, ни к какой секте или партии; но, я полагаю, он искренний протестант. Я был три недели вместе с ним у милорда Конвея и видел, как он (я думаю) прикасался руками к тысяче человек; и действительно, в этом есть что-то большее, чем обычное [действие]; но я убежден, что это — не чудо. Я видел, как боли странным образом проносились перед его рукой, пока он не изгонял их из тела; слепота рассеивалась и глухота излечивалась его прикосновением; несколько раз двадцать человек в приступках падучей болезни пришли в себя за две или три минуты, чтобы сказать, в каком месте располагалась их боль; и затем он продолжал свои манипуляции до тех пор, пока не находил ее в какой-то определенной точке: мокнувшие язвы высохли, а нарывы были очищены его рукой». «Тем не менее, — добавляет Глэнвилл, соглашаясь в этом отношении со своим другом Мором, — у меня есть много причин убедить себя, что во всем этом нет ничего чудесного. Он притворяется, что не исповедует никакую доктрину;

J. D. for John Baker... and Henry Mortlock..., 1676 <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A42813.0001.001/1:12.2?rgn=div2;view=fulltext> — Прим. перев.

стиль его манипуляции говорит о том, что это естественное лечение редко удается без повторных прикосновений, его пациенты часто рецидивируют, он часто терпит неудачу, он ничего не может сделать там, где в природе есть какой-либо изъян, и многие болезни совсем не послушны его прикосновению. Так что, признаюсь, я отношу все его достоинства к его особому характеру и свойствам личности; и я считаю, что его spirits (духи) являются своего рода эликсиром и универсальной закваской, и что он лечит (как выразился доктор М.) с помощью лечебной инфекции».

У Мора, как и у многих гениальных людей, была сильная вера в то, что можно назвать оздоровительной добродетелью редких личных качеств, будь то ум или тело. С самой подлинной искренностью — искренностью настолько совершенно простой, насколько это может показаться смешным на наш современный взгляд, — он выражает свою убежденность в том, что сам был в значительной степени наделен такими способностями. Подобно Сократу⁵⁰, он получал наставления и предостережения — импульсы, которые непреодолимо и «более чем обычным образом» воздействовали на его дух. Часто в его трудах такие демоны приходили к нему и вели его в направлении, отличном от его намерений, когда он впоследствии обнаруживал, что путь, которым он шел, привел бы его к тому, что он называет «an Angiportus», или затруднительным положением. «Он был в очень большом восторге, когда испытывал это». Его биограф добавляет, что он «чутьочку стеснялся говорить о делах такого рода, что он лишь изредка доверял это своим самым близким друзьям; и что были веские основания полагать, что он чаще бывал взволнован таким образом, чем он, во всяком случае, об этом рассказывал». Его яркое осознание духовного мира и присутствия высших сил, окружающих человеческую жизнь повсюду, делали для него естественной и легкой веру в такие вещи.

Его вера в то, что он объявил странными свойствами своего тела, носит более примечательный характер. Он сам специально отмечал, говоря об исключительных способностях Грейтрейкса, что некоторые части его собственного тела «имели естественный аромат фиалок; что его грудь и тело, особенно в очень юном возрасте, сами по себе подобным образом источали цветочные и ароматические запахи, какие он ежедневно почти всегда

⁵⁰ Даймонион Сократа, который предостерегал его от ошибочных решений (Plato. Theag. 128d–130e). — *Прим. перев.*

ощущал, когда снимал свою одежду и готовился ко сну⁵¹. И даже впоследствии, когда он стал старше, он часто ощущал (обычно в конце зимы или в начале весны) вокруг себя определенные сладкие и травяные запахи, хотя поблизости еще не было подходящих объектов, откуда они могли исходить». «Anima sicca, anima pura, anima sicca, sapientissima»⁵², — обычно говорил он, повторяя древний афоризм и объясняя, что «сухое телосложение», какое у него было, естественно, являлось средоточием самого чистого и мудрого ума. Несомненно, у него было исключительно здоровое и эластичное тело, приспособленное как «хорошо натянутый инструмент для его души». «Казалось, что он просуществует сто лет», и, как он далее говорил о себе, «было не так много людей, которые могли бы вынести этот высокий накал активности мысли и интенсивного письма». «После всех его исследований и глубоких размышлений в дневное время, когда он засыпал, в нем возникало ощущение странной *наркотической силы* (как он выразился), которая увлекала его в сон; и он не успевал как следует лечь в постель и засыпал так крепко, что падение дома едва ли разбудило бы его. Когда он обычно просыпался рано утром, наполненный мощью жизни и энергии, то ощущал себя центром, из которого все его мысли и представления подобно лучам расходились во все стороны. Он так закалил и настроил свое тело, что оно с готовностью повиновалось всем движениям его разума; и у него рождались мысли «часто настолько ясные, насколько он мог этого желать» и мог «схватывать их или сосредотачиваться на каком-либо предмете так, как ему заблагорассудится». «Было приятно, — говорил он, — быстро переходить в мыслях от понятия к понятию, без каких-либо образов слов в уме».

Поскольку мы углубились в эти личные данные, возможно, было бы неплохо пока их дополнить. Мор жил очень одиноко в «раю», который он создал для себя в Колледже Христа, за исключением тех случаев, когда хозяйка Рэгли приглашала его присоединиться к ее обществу. «Много счастливых дней, — говорил он, — провел он в своей комнате»; и так «сладки и приятны были плоды» его одиноких трудов и размышлений, что они часто казались ему, «оглядываясь назад, благоуханным полем». Его отец, который, как

⁵¹ Schol. in Enthus. Triumph, § 58.

⁵² «Сухая душа — чистая душа; сухая душа — мудрейшая» (лат.) (Гераклит). — Прим. перев.

мы видели, в свое время лелеял другие и честолюбивые надежды в отношении него, «войдя в его комнату и увидев его там в окружении книг, и прекрасно представляя область его занятий, был очень тронут этим, и в восторге сказал — что на самом деле было правдой, — что он подумал, что его сын проводит свое время *по-ангельски*». Он не сомневался в правильности образа жизни, который он выбрал для себя. Он знал свои собственные силы и ценил возможность заниматься тем, что было ему приятно. Были некоторые из «спиритуалистов», говорил он, «которые хотели бы, чтобы он принял кафедру и оттуда проповедовал людям; но я трезво оценивал себя, — добавил он, — и знаю, что я могу и что я должен делать — и я это делаю». «Если бы ему предстояло прожить всю свою жизнь заново, он поступил бы так же, в основном, как он сделал».

Живя в колледже, он по большей части посещал «общественный зал»⁵³, за исключением пятниц, которые были рыбным днем (эта пища не очень ему подходила), поэтому он предпочитал другую еду, обедая в своей комнате. Он не раз соблюдал время Великого поста, воздерживаясь от мяса; но, по его словам, он обнаружил, что это совершенно меняло тонус его тела, и поэтому впоследствии перестал соблюдать это правило. Его привычный напиток был, по большей части, студенческим пивом, о котором он иногда говорил, в присущей ему ироничной манере, что оно было серафическим и лучшим напитком в мире. И он несколько раз замечал в зависимости от степени жара внутри его, как сильно может он чувствовать себя освеженным этим пивом, но временами он прибегал и к освежающим напиткам лучшего сорта. «И каждый, — добавляет его биограф с большим здравомыслием, чем многие, кто отважился коснуться таких деталей, — должен здесь следовать своей собственной конституции и лучшему опыту в этих вопросах».

Такая жизнь, как у Мора, должна была бы иметь несколько точек соприкосновения с великими событиями своего времени. Но «он был так занят в своей комнате пером и строчками, что не обращал особого внимания на суету и дела внешнего мира». Он не занимал никакой политической позиции, даже в том неопределенном смысле, в каком, можно сказать, ее занимали Уичкот⁵⁴

⁵³ Столовую. — *Прим. перев.*

⁵⁴ Бенджамин Уичкот (Benjamin Whichcote, 1609–1683), основатель интеллектуального движения Кембриджского платонизма. См.: <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/cambridge/item/492-whichcote> — *Прим. перев.*

и Кедворт. У него не было никаких отношений с государственными деятелями гражданской войны и Английской республики⁵⁵, и он никогда не выступал, как его друзья, с какими-либо заметными публичными заявлениями. Воспитанный в кальвинистской, хотя и не пуританской семье⁵⁶, он очень рано отвернулся от всего, что могло бы связать его с религиозными партиями, доминировавшими в его юности. Его идеалом была Англиканская церковь в том виде, в каком она существовала до смутных времен, — Церковь Реформации и Хукера⁵⁷. В соответствии со своим темпераментом он был яростным противником Папства во всех его проявлениях, и одна из его главных работ⁵⁸ в основном посвящена разоблачению антихристианских черт папства — тех моментов, в которых, как ему видится, оно способствует идолопоклонству, накладывает бремя на совесть, умерщвляет и подавляет, вместо того чтобы оживлять и приобщать к божественной жизни. Все его рациональные побуждения восстали против такой системы. Но и его разум, и его любовь к тишине и порядку были противоположны тому, что он считал крайностями пуританства — «мрачному зрелищу бесконечного множества сект и расколов». Мы уже видели его отношения с квакерами. И даже все его нежное уважение к леди Конвей не могло заставить его относиться к ним с какой-либо снисходительностью или благосклонностью, и он то тут, то там в своих трудах едва ли бывал справедлив к ним, когда он описывает их как потомков фамилистов⁵⁹. Ему, вероятно, не нравились многие формы навязчивого фанатизма, которые преобладали в Англии в семнадцатом веке, тем более что одной

⁵⁵ The Commonwealth of England (1649–1660).

⁵⁶ Убежденный кальвинист, каким был его отец, он, кажется, не был пуританином. По крайней мере, Мор говорил: «его ближайшие родственники серьезно пострадали от короля», — цитирует Ворд (Ward's Life. P. 186).

⁵⁷ Ричард Хукер (Richard Hooker, 1554–1600) — англиканский теолог, развивающий идеи рациональной теологии и толерантности. — *Прим. перев.*

⁵⁸ Первая часть «A Modest Enquiry into the Mystery of Iniquity» содержит основательное и частичное определение истинной идеи антихристианства.

⁵⁹ Divine Dialogues (Божественные диалоги). P. 459–567. Эти так называемые фамилисты были особым источником раздражения для рационально-религиозных людей среди многочисленных сект века. Мор подробно описывает их и их принципы в своей «Великой Тайне Божественности», Кн. VI., в главах XII–XVIII, и напрямую связывает их с Х[ендриком] Николасом, фанатиком из Амстердама. Похоже, они напоминают современные «Сообщества Любви» (секта фамилистов, возникшая 1540-х годах, имела распространение в Нидерландах, Германии и Англии, прекратила существование приблизительно к началу XVII века. — *Прим. перев.*).

стороной своей натуры он чувствовал некоторое родство с ними. Во всем, что он говорит о квакерах, и на протяжении всего «Трактата об энтузиазме» нетрудно проследить действие этого чувства. Но его сильной ненависти к беспорядку было достаточно, чтобы держать в узде все собственные естественные склонности к энтузиазму. Какими бы пылкими ни были его религиозные чувства, он питал сильную неприязнь к тому индивидуализму и утверждению особых священнических прерогатив, которые в той или иной степени лежат в основе всякого фанатизма⁶⁰. «Ваше огромное упорство и раскольничество, — обращался он к сектантам, — действует исключительно в интересах Антихриста и столь же явно против интересов Царства Христова»⁶¹. В двух своих поэмах и в других сочинениях он выступает против пустой самоуверенности (Opinionativeness) и ее безудержной активности — источника многих зол.

«Эти мнения,
Которые окружают небеса кольцами бурь
И наполняют их убийственными ударами грома,
И посылают людям стонущих призраков
Страшного ада: Такой мир ведет
К опустошению, к затуханию человечества —
Это ужасные вещи, ложные убеждения.
Но истинная религия, порожденная Богом,
Как источник, полный благодати,
Принимает все вещи с нежной любовью,
Полная доброй воли и безропотных ожиданий,
Полная истинной справедливости и верности,

⁶⁰ Dial. V. 37.

⁶¹ Апология, гл. X. 1664. В той же «Апологии» он предъявляет сектантам довольно удачно сформулированный упрек: «Вы, кто воображает себя единственными ревнителями истины и святости, единственной здоровой и незагрязненной частью нашей нации, — но [для вас] Национальная Церковь больна и безумна, — если это действительно так, где ваша снисходительность, и как мало вашего благоразумия в том, чтобы бежать из дома, когда твоя мать лежит на больничной койке. Вы зовете врача? Нет. Тогда почему вы выбежали из дома? О, моя мать больна, и я в добром здравии. Моя мать больна, и я в добром здравии. И кто тот подлый и противоестественный сын! Оставить свою мать (когда ты должен больше всего помогать ей) и выйти из дома просто, чтобы продемонстрировать свое собственное здоровье, как если бы ваша самоуважение было тем больше оттого, что ваша мать больна, в то время как вы так прекрасно себя чувствуете?».

В сердце и высказывании свободная, широкая, даже бесконечная,
Не пробивающаяся сквозь узкое русло,
Но наполняющая все своей огромной радостью.
Как Яркий свет Бога! Который
Радует человека в своем чистом сиянии»⁶².

Что касается его самого, то он ничего так не любил и ничего так не желал, как Англиканской Церкви с ее «достойным величием и великолепием». Он «не может не думать, что было бы прискорбным обменом принять вместо этого пресвитерианство, что оказалось бы лишь *демократическим папством*»⁶³. Тем не менее в другом месте⁶⁴ он признает, что епископство может быть и ценным и что популистский элемент, может быть, не лишен своей пользы и достоинств. Его главная забота состоит в том, чтобы ни один порядок церковного управления, ни другой не узурпировали место, которое должна занимать только сама религия, он за «голую истину христианства», и ничего более; готов даже называться пуританином, «если это пуританство». «Я, — заключает он, — выше всех сект, какими бы они ни были как секты; ибо я истинный и свободный христианин; и то, что я пишу и говорю, в интересах Христа и во имя Жизни Агнца».

Если студенческая жизнь Мора удерживала его от мира, одновременно это сильно стимулировало его продуктивность как автора. Вероятно также, это в какой-то степени способствовало бесконечному многословию и повторам во всей Кембриджской школе. Мы особенно чувствуем у Мора — как более или менее во всей Кембриджской школе, за исключением Уичкота, — что мы разговариваем с умом, слишком мало закаленным активной дисциплиной и быстрыми, систематическими, компактными упражнениями, которые практикуются в результате большого общения с людьми, и делами,

⁶² Immort. of the Soul, B. II. Cant. III. S. 6.

⁶³ Pref. to Expos. on Daniel, 58. («Толкование на кн. пророка Даниила». См.: *More H. A plain and continued exposition of the several prophecies or divine visions of the prophet Daniel...* London: Printed by M. F. for Walter Kettilby..., 1681. <http://name.umdl.umich.edu/A51311.0001.001> — Прим. перев.).

⁶⁴ Apol. c. v. (См.: *More H. The Apology of Dr. Henry More...* London: Printed by J. Flesher..., 1664 // [Online service] — URL: https://www.library.ferris.ac.jp/henry_more/henry_more_01.html (Accessed: 05.10.2021) — Прим. перев.)

которые побуждают людей к значительным поступкам или большим амбициям. Атмосфера школы, которая, в конце концов, была ограничена узкой, хотя и влиятельной сферой, проявлена в его творчестве более, чем в чем-то другом. Колледж Христа с его книгами никогда не исчезает из виду; и вся прелесть и уединение Рэгли, «торжественность этого места, его тенистые дорожки, холмы и леса, где он терял из виду мир, а мир терял его самого», не пропускали дневной свет или дыхание обычного воздуха в его «теоретический выбор», однако они, возможно, помогли ему «находить решения» и разрабатывать их. В этом отношении нам не раз напоминали об аналогии между ним и лидерами современной Высшей церковной школы в ее первоначальном развитии. Оксфорд и пасторский дом нельзя не сравнить с Кембриджем и Регли. И изнуряющая сила преднамеренного уединения от мира, безусловно, не менее заметна в Кибле⁶⁵ и Ньюмене — хотя и в другом отношении, чем в случае нашего автора. Может быть, приятно держаться подальше от «суеты и дел внешнего мира», как приятно созерцать особую красоту и безмятежность характера, которые созревают среди таких уединений; но, в конце концов, ни один человек не может убежать от своих собратьев и грубых фактов обычной человеческой жизни без духовного и интеллектуального ущерба. Продукт может быть лучше того, что выращивается в одиночестве, но он не будет ни таким полезным, ни — во многих отношениях — таким пригодным к употреблению и хорошим.

И поэтому труды Мора в значительной степени, как они преобладают в его жизни, и глубоко интересные, как некоторые из них, для изучающих религию и философию, давно перестали оказывать какое-либо влияние. Они так и не стали литературой. Ни один из них даже не достиг того достойного внимания, которое уделяется «Интеллектуальной системе» Кедворта, которая в высшей степени является одной из тех книг, которые люди высоко ценят, не думая о чтении. Что касается их приема в его эпоху, есть два рассказа, которые не очень легко согласовать. С одной стороны, утверждается⁶⁶, что выдающийся лондонский книготорговец заявил, что «в течение двадцати лет после возвращения Карла II “Тайна Божественности” и другие труды

⁶⁵ Кибл-колледж в Оксфорде. — *Прим. перев.*

⁶⁶ Chalmers's Biog. Dict.

доктора Мора занимали всех книготорговцев в Лондоне». С другой стороны, его биограф⁶⁷ заявляет фактически от своего собственного имени, «что, хотя он и не нуждался в особом и чрезвычайном уважении со стороны многих людей, все же мир в целом либо отчасти не одобрял его труды, либо не очень хорошо знал, что делать с некоторыми вещами в них». «Совершенно очевидно, — добавляет он, — что его труды в целом (даже я не скажу, не прочитаны, но) неизвестны»; и многие ученые сами в значительной степени незнакомы с ними». Правда, по-видимому, заключается в том, что некоторые из его работ, по крайней мере, были очень хорошо восприняты и, судя по количеству изданий, которого они достигли, можно сказать, были популярны, но что он сам был разочарован приемом, оказанным его любимым идеям, или «теориям», как он их называл. Эти чада его мозга, естественно, очень ценились им, и он удивлялся (как и многие теоретики до и после), что другие не ценили их так же высоко, как он сам. По его собственному мнению, они казались «настолько ясными, а также великолепными, что он почти вообразил, что должен был быть; но небольшой опыт помог излечить его от этого тщеславия, и он быстро понял, что он не похож на того, кто может быть сверхпопулярным»⁶⁸.

Период его активности как автора простирался от первой публикации его стихотворений в 1642 году до десяти лет до окончания его жизни в 1687 году — т. е. это примерно тридцать пять лет⁶⁹. В течение всего этого времени он продолжал писать иногда то, что мы сейчас назвали бы брошюрами, а не книгами, но также множество сложных и формальных трактатов. Мы приводим список его публикаций в хронологическом порядке, и ниже мы приводим их краткое изложение, которое может заинтересовать читателя⁷⁰.

⁶⁷ Ward's Life. P. 73–75.

⁶⁸ Ward's Life. P. 72.

⁶⁹ Неточность Дж. Таллока, т. к. и Р. Ворд приводит список трудов последнего периода творчества Г. Мора: 1675–1679 — подготовка «Latin translation of More's works published»; 1677 — первый том «Kabbala denudata published», «Apocalypsis apocalypseo, Exposition of... Daniel, and Paralipomena prophetica». См.: Ward's Life. P. XXXII. More's edition of Joseph Glanvill, Sadducismus triumphatus.

⁷⁰ Ниже приводится краткое перечисление трудов Мора в том порядке, в котором он писал свои работы. Мы сократили или исключили личные данные, которые он добавляет в свои заголовки, за исключением тех, которые содержат пояснение характера работ или

Некоторые из наиболее характерных его работ, по-видимому, были самыми популярными; и среди них можно упомянуть «Противоядие против атеизма» — его первую публикацию в прозе в 1652 году и эссе о «Бессмертии души», а также два его обширных трактата «Великая тайна Божественности»

обстоятельств их происхождения. Мы также добавили свои собственные объяснения, которые могут дать читателю некоторое представление о тех произведениях, которые сам Мор не охарактеризовал.

1. 1642–1647 — «Философские поэмы» (Philosophical Poems). См. также: *Burden M. Henry More's Early Poetry // The Cambridge Platonism Sourcebook* <http://www.cambridge-platonism.divinity.cam.ac.uk/about-the-cambridge-platonists/publication-history/more-henry> — *Прим. перев.*
2. 1650–1651 — «Письмо и ответ Евгению Филалету под псевдонимом Алазономастикс». Мы не видели ни этого письма, ни ответа, за исключением цитаты Уорда из его «Жизни [Генри Мора]». Он сам описывает их следующим образом: «Opuscula sane ludicro-seria et quae nunquam scripsissem nisi naeniis nugisque eorum temporum enthusiasticis dicam an phantasticis eo provocatus». (См. также: <http://name.umdl.umich.edu/A51316.0001.001> — *Прим. перев.*).
3. 1652 — Antidote against Atheism. New edition, 1655: also in Collection of Phil. writings, 1662.
4. 1653 — «Каббалистические гипотезы, или опыт интерпретации трех первых глав кн. «Бытия» в троичном смысле: буквальном, философском и мистическом, или божественно нравственном» (Conjectura Cabbalistica, or Attempt to interpret the Three first Chapters of Genesis in a threefold manner-literal, philosophical, and mystical, or divinely moral). Также в «Собрании...» 1662 г.
5. 1656 — «Торжествующий энтузиазм, или краткое рассуждение о природе, причинах, видах и искоренении энтузиазма» (EnthusiasmusTriumphatus; or a brief discourse of the nature, causes, kinds, and cure of enthusiasm) Также в «Собрании...» 1662 г.
6. 1659 — «Бессмертие души» (Immortality of the Soul) с ценным предисловием к общей теме его философии; также 1662.
7. 1660 — «Объяснение великой тайны Божественности» (An Explanation of the Grand Mystery of Godliness), написанное после болезни, в которой он поклялся, если его пощадят, написать книгу, демонстрирующую истину христианской религии — в том, что касается личности и священства Христа, к недоразумениям как фанатиков, так и неверующих.
8. 1662 — «Сборник философских трудов» (Collection of Philosophical Writings), охватывающий [перечисленные выше] № 3, 4, 5 и 6 с добавлением к № 3; «Латинская переписка с Декартом» и «Письмо к V. С.».
9. 1664 — «Расследование Тайны произвола» (Enquiry into the Mystery of Iniquity): первая часть направлена главным образом против папизма; вторая часть трактует Пророчества Писания относительно царствования Антихриста.
10. 1666 — Enchiridium Ethicum, или «Руководство по этике», основание к написанию которого объясняется нашими замечаниями к Кедворту. New ed. 1669.

и «Тайна произвола», первый из которых был опубликован в год Реставрации, а второй — четыре года спустя. Но из всех его произведений единственное, о котором можно сказать, что оно сохранило какую-либо литературную популярность или заслуживает похвалы для современного читателя, — это его «Божественные диалоги», из которых мы уже приводили довольно длинный отрывок, иллюстрирующий его умственный и духовный рост. Именно об этом томе доктор Блэр говорит в своих лекциях по риторике⁷¹ как об «одном из самых замечательных в английском языке». «Хотя стиль, — добавляет он, — сейчас в какой-то мере устарел, а ораторов отличает академическая негибкость (stiffness) тех времен, все же диалог оживлен разнообразием характеров и радостью беседы, выходящей за рамки того, что обычно встречается в сочинениях такого рода». «Божественные диалоги», безусловно, в целом являются самыми интересными и читаемыми из всех работ Мора. Мысль течет плавно, с меньшей предрасположенностью, чем в любом из его других произведений, к отвлекающему абсурду и утомительным разветвлениям; стиль то тут, то там свежий и мощный; и в последовательности бесед есть не только некоторая живость движения, но и попытка, как подразумевает Блэр, придать определенную портретную картину нескольким ораторам и сохранить во всей их индивидуальности и логичности.

-
11. 1668 — «Божественные диалоги» (Divine Dialogues), содержащие исследования относительно атрибутов и провидения Бога.
 12. 1669 — «Expositio Prophetica septem Epistolarum ad septem Ecclesias Asiaticas una cum Antidoto adversis Idolatriam» (Пророческое объяснение семи посланий к семи церквям Азии вместе с антидотом против идолопоклонства направленных особенно против некоторых доктрин Тридентского собора).
 13. 1670 — «Philosophia Teutonica: Censura» (Критика философии Якоба Беме).
 14. 1671 — «Enchiridium Metaphysicum», частично переведенный, по-видимому, самим Мором, содержит также №№ 7, 9, 12 вместе с письмом («Ответ ученому психопиристу») о природе духа в «Sadducismus Triumphatus» в издании Гленвилла 1881 г.
 15. 1672–1678 — Мор сам занимается изданием полных изданий своих трудов на латыни: во-первых, это «Opera Theologica», 1675 г., которая содержит №№ 7, 9, 12, малые произведения и гимны на латыни, затем «Opera Philosophica», 1678г. и частично ряд каббалистических сочинений, таких как «Мистическое объяснение видения Иезекииля», «Каббалистический катехизис», а также «Письмо к V. С» и «Опровержение Спинозы (Duarum praecipuarum Atheismi Spinoziani columnarum subversio)». Том 11 содержит сборник философских трудов, опубликованных на английском языке в 1662 году.
- ⁷¹ Lecture xxxvi (См.: Dr. Blair's Lectures on Rhetoric. Abridged. With questions. Philadelphia: J. B. Lippincott & Co. 1868. — *Прим. перев.*).

Эта попытка не очень успешна, но именно в этом едва ли преуспел какой-либо современный автор диалогов⁷², и Мора в этом отношении можно с успехом сравнить даже с Беркли в эпоху гораздо большего литературного блеска. Более того, «Божественные диалоги» обладают для обычного читателя тем преимуществом, что они обобщают его основные взгляды по вопросам философии и религии. Действительно, из них можно почерпнуть большинство его характерных принципов.

1668 год, в котором он создал «Диалоги», можно сказать, ознаменовал вершину творчества Мора в его интеллектуальном развитии. Правда, после этого он написал свое «Руководство по метафизике» и атаковал Якоба Беме и Спинозу в тщательно проработанных рассуждениях. Но гибкость и темперамент его философского гения менее выразительны в этих произведениях. Его «Метафизика», какой бы сложной она ни была, в основном представляет собой лишь систематическое и несколько отрывочное расширение взглядов на природу и доказательства бестелесных субстанций, которые он уже не раз высказывал; в то время как его каббалистические и пророческие исследования приобрели более сильное влияние на его разум. Две из этих работ адресованы другу Кнорру⁷³, немецкому ученому, востоковеду, чьи размышления в то время оказали на него значительное влияние. Кнорр много путешествовал и ревностно посвятил себя в своих странствиях химии и каббалистическому искусству. Он был другом Ван Гельмонта, с которым вел переписку, которая, по-видимому, привлекла внимание нашего автора⁷⁴. Очевидно, он был человеком замечательной, хотя и несколько бесполезной эрудиции, судя по интересу, который он вызывал у Лайтфута⁷⁵ и других⁷⁶. Он читал Мора и восхищался его работами; и его восхищение, по-видимому, оказало пагубное влияние на ум, слишком сильно склонный к трансцендентальным

⁷² Кроме, возможно, мистера Сэвиджа Лендора, в некоторых его воображаемых разговорах.

⁷³ Христиан Кнорр фон Розенрот (Christian Knorr von Rosenroth, 1636–1689). — *Прим. перев.*

⁷⁴ См.: Таллок — Tome I. 423.

⁷⁵ Джон Лайтфут (John Lightfoot; 1602—1675), английский гебраист. — *Прим. перев.*

⁷⁶ Его репутация была основана главным образом на работе под названием «Kabbala Denudata, seu Doctrina Hebrzorum transcendentalis, et metaphysica, atque theologia». 3 тома, «Мешанина», как говорится, «диких почитаний и мистических абсурдов, с изредка узнаваемыми приметами философии или иудаизма». — Chalm. Biog. Dict.

причудам и мистическим видениям⁷⁷. Теософские элементы, уже столь очевидные в его философских стихах, в течение некоторого времени были под контролем его разума и здоровой оценки естественных и моральных фактов. Но постепенно они приобрели более заметное влияние по мере того, как его ментальные привычки укрепились, а гибкость естественных чувств и мыслей начала ослабевать. Равновесие, которое так долго колебалось, наконец начало склоняться в нездоровую сторону. Пророческие исследования, которые были проклятием для стольких умов его круга, становились для него все более и более привлекательными. «Сон Иезекииля» и «Синхронный метод апокалиптических видений» содержали подробное трансцендентальное объяснение.

Он и сам, по-видимому, сознавал чрезмерность веры в такого рода исследования. И все же он не мог устоять перед их очарованием⁷⁸. Можно с уверенностью сказать, что такая вера никогда не соединяется с трезвой и здоровой рациональной проницательностью. Ум, склонный к пророческому толкованию, почти всегда является умом либо слабым самим по себе, либо ослабевающим в упоении собственными заблуждениями.

О последних десяти годах жизни Мора у нас нет никаких записей. Его здоровье, по-видимому, не было хорошим, поскольку мы находим, что он писал в конце 1680 года: «Я не был здоров физически — это лучший день, который у меня был за долгое время»⁷⁹. Однако даже тогда он, по-видимому, не отложил перо в сторону. Напротив, говорит его биограф, «он писал до самого последнего часа; и тогда у него под руками была «*Medela Mundi*», или практический трактат, который он назвал «Исцеление мира»⁸⁰. Не осталось никаких следов этого трактата, но, вероятно, это было то же самое сочинение, что он упоминает в одном из своих писем под названием «Безопасный путешественник». Приятно осознавать, что его активный ум до последнего оставался

⁷⁷ Смотрите его серию каббалистических работ. Opera Omnia. I. 423–528; особенно его «Cabbalistic Catechism» и «Fundamenta Philosophiae sive Cabbalae-aeto-pedo-Melissaeae», в которой он обсуждает необычное видение об орле, мальчике и пчеле, которые явились ему в превращениях, чтобы представить вид еврейской каббалы.

⁷⁸ Намекая на то, что это должен быть он сам, он заставляет одного из ораторов в его пятом Диалоге сказать: «Величайший фанатизм, который я вижу в нем, заключается в том, что он признался, что он ясно понимает истину нескольких пророчеств в высшей степени, которое многим другим видится очень неясной».

⁷⁹ Ward's Life. P. 356.

⁸⁰ Ibid. P. 212.

полон внешних мыслей, и что те великие вопросы, на которые он, по его словам⁸¹, потратил все свое время — что хорошо, а что истина? — были, по видимому, столь же свежи и важны для него в конце, как и в начале. Он умер утром 1 сентября 1687 года и был похоронен в часовне своего колледжа, где его друг Кедворт будет похоронен рядом с ним менее чем через год. Мор был высоким и худым, но с «безмятежным и живым лицом — скорее бледным, чем румяным в его последние годы, — но все же оно было ясным и одухотворенным; и его глаза были карими и яркими, как у орла». Действительно, все, кто видел портрет работы Логгана⁸², признают необычайно яркое выражение его лица: с некоторыми линиями, сильно очерченными вокруг рта, но с невыразимой приятностью, светом и достоинством общего выражения. Поскольку он самый поэтический и трансцендентальный, то в целом самый одухотворенный из всех кембриджских теологов.

Его характер уже был очерчен ранее, но в некоторых отношениях он настолько заметен и интересен — тип набожного мистика, который, по мере того как мир становится старше, кажется, становится все более редким, по крайней мере, в любой здоровой форме, — поэтому нас можно простить за добавление нескольких дополнительных штрихов. Он был с юности до старости, очевидно, одарен самым счастливым и жизнерадостным религиозным характером. «Он был глубоко набожен; и все же без всякой горечи, суеверия или меланхолии». Его привычным расположением ума была безмятежная задумчивость, в то время как его «внешняя беседа»⁸³ с друзьями была по большей части «свободной и шутливой». Религия на практике была для него именно тем, чем он представлял ее в теории, — посвящением и совершенством естественной жизни, самая яркая и лучшая форма, которой она могла достичь под вдохновением и руководством Божественного Духа. Хотя он выбрал для себя уединенную жизнь и до сих пор страдал из-за отсутствия того всеобъемлющего опыта, который дает больше, чем любое другое образование для мудрого и открытого ума, он делал это не из-за какого-либо безразличия к более легким и активным интересам человечества. «В нем была такая жизнь и дух, которые любили упражнения разума, остроумия

⁸¹ Ibid. P. 221.

⁸² Предваряющий латинское издание трудов Мора. (Девид Логган (David Loggan, 1634–1692), английский гравёр и художник. — *Прим. перев.*).

⁸³ Ward's Life. P. 119.

и божественных размышлений одновременно⁸⁴. И его биограф слышал, как он говорил, «что он не мог достичь меланхолии в достаточной степени», под которой он подразумевал «погружение в божественный смысл и медитацию довольно глубоко»⁸⁵. Его духовное счастье, кажется, временами подавляло его и давало ему повод для саморефлексии. Он признался другу, что «иногда почти сходил с ума от удовольствия»; и он испытывал это экстатическое чувство в самых простых обстоятельствах. «Прогулки после учебы, его вылазки на природу часто были невыразимо восхитительными, превосходящими то, что он мог бы передать другим»⁸⁶. Многие отрывки в его произведениях, и особенно его «Диалоги», показывают, насколько огромной была его любовь к природе и восхищение ею. Он имел обыкновение говорить, что хотел бы «всегда быть готовым к любым неожиданностям». Он имел обыкновение говорить, что хотел бы быть «всегда *sub dio*»⁸⁷, «он мог бы учиться вне дома с гораздо меньшей усталостью для себя, чем у себя. Его свобода и жизнерадостность ума, а также восторженное наслаждение собственными мыслями иногда увлекали его»⁸⁸. Это неоправданно ускоряло его созревание как писателя и лишало его хладнокровного суждения, которое строго пересматривает, уплотняет и придает форму горячим мыслям, рождающимся в моменты духовного и интеллектуального возбуждения. Он говорил, что иногда во время письма ему казалось, что его разум «работает быстрее, чем он хотел бы», и что «все это время он, казалось, был в воздухе»⁸⁹.

Мистическое сияние и возвышенность были главными чертами его ума и характера; определенная живость и сияние мысли, которые выводили его за пределы обычной жизни, не поднимая его на какую-либо ложную или искусственную высоту. Было отмечено, что в самом воздухе, окружающем его, было что-то ангельское. «Он, казалось, был полон интроверсии света, радости, доброты и “преданности одновременно — как будто его лицо было омыто золотым дождем любви и чистоты”»⁹⁰. Незнакомые люди даже замечали

⁸⁴ Ibid. P. 120.

⁸⁵ Ibid. P. 121.

⁸⁶ Ibid. P. 54.

⁸⁷ «Под открытым небом». — *Прим. перев.*

⁸⁸ Ibid. P. 145.

⁸⁹ Ibid. P. 145, 146.

⁹⁰ Ibid. P. 105.

этот «чудесный блеск и сияние» в его глазах и лице⁹¹. «Божественный штормовой ветер», как он сам сказал, атаковал его на протяжении всей его жизни, так же как и его труды; но как бы далеко тот ни заносил его, он никогда не выбивал его из колеи. «Один высоко ученый и благочестивый человек»⁹² сказал, «что он считал доктора Мора самым святым человеком на земле». Но его милосердие и смирение были не менее заметны, чем его благочестие. «Сама дверь его комнаты была больницей для нуждающихся»⁹³. «Когда вокруг него бушевали ветры, он прилагал все усилия, чтобы оставаться тихим и смиренным, чтобы его не сорвали с этого якоря»⁹⁴. Короче говоря, хотя Мор не был героем ни в мыслях, ни на деле — его размышления были слишком трансцендентными, а его жизнь слишком уединенной для этого, — он все же предстает перед нами как необычайно красивая, добрая и благородная личность — одно из тех высших явлений человеческого духа, которые помогают нам ощущать божественное присутствие на земле и верить в его реальность.

⁹¹ Ibid.

⁹² д-р Аутрем. Ward's Life. P. 78.

⁹³ Ibid. P. 85.

⁹⁴ Ibid. P. 89.